

Анна Снегина — эпизод 3 из 5

На корточках ползали слухи,
Судили, решали, шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.
Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.
Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар,
И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.
Мой мельник с ума, зная, спятил.
Поехал,
Кого-то привез...
Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.
Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,
На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.
Я встал.
И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый: А!
Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала.
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы знаменитый поэт.
Ну, сядем. Прошла лихорадка?
Какой вы теперь не такой!
Я даже вздохнула украдкой,
Коснувшись до вас рукой.
Да...
Не вернуть, что было.

Все годы бегут в водоем.
Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.
Мы вместе мечтали о славе...
И вы угодили в прицел,
Меня же про это заставил
Забыть молодой офицер...
Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик.
Хотелось сказать:
Довольно!
Найдемте другой язык!
Но почему-то, не знаю,
Смущенно сказал невпопад:
Да... Да...
Я сейчас вспоминаю...
Садитесь.
Я очень рад.
Я вам прочитаю немного
Стихи
Про кабацкую Русь...
Отделано четко и строго.
По чувству цыганская грусть.
Сергей!
Вы такой нехороший.
Мне жалко,
Обидно мне,
Что пьяные ваши дебоши
Известны по всей стране.
Скажите:
Что с вами случилось?
Не знаю.
Кому же знать?
Наверно, в осеннюю сырость
Меня родила моя мать.
Шутник вы...
Вы тоже, Анна.
Кого-нибудь любите?
Нет.

Тогда еще более странно
Губить себя с этих лет:
Пред вами такая дорога...
Сгущалась, туманилась даль...
Не знаю, зачем я трогал
Перчатки ее и шаль.
Луна хохотала, как клоун.
И в сердце хоть прежнего нет,
По-странному был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз...
Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.
Мой мельник...
Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.
Устроил волынку, бездельник,
И бегают, как почтальон.
Сегодня опять с запиской,
Как будто бы кто-то влюблен:
Придите.
Вы самый близкий.
С любовью
.
Иду.
Прихожу в Криушу.
Оглоблин стоит у ворот
И спьяну в печенки и в душу
Костит обнищалый народ.
Эй, вы!
Тараканье отродье!
Все к Снегиной!..
Р-раз и квас!
Даешь, мол, твои угоды
Без всякого выкупа с нас!
И тут же, меня завидя,
Снижая сварливую прыть,
Сказал в неподдельной обиде:

Крестьян еще нужно варить.
Зачем ты позвал меня, Проша?
Конечно, ни жать, ни косить.
Сейчас я достану лошадь
И к Снегиной... вместе...
Просить...
И вот запрягли нам клячу.
В оглоблях мосластая шкеть
Таких отдают с придачей,
Чтоб только самим не иметь.
Мы ехали мелким шагом,
И путь нас смешил и злил:
В подъемах по всем оврагам
Телегу мы сами везли.
Приехали.
Дом с мезонином
Немного присел на фасад.
Волнующе пахнет жасмином
Плетневый его палисад.
Слезаем.
Подходим к террасе
И, пыль отряхая с плеч,
О чьем-то последнем часе
Из горницы слышим речь:
Рыдай не рыдай не помога...
Теперь он холодный труп...
Там кто-то стучит у порога...
Припудрись...
Пойду отопру...
Дебелая грустная дама
Откинула добрый засов.
И Прон мой ей брякнул прямо
Про землю,
Без всяких слов.
Отдай!..
Повторял он глухо.
Не ноги ж тебе целовать!
Как будто без мысли и слуха
Она принимала слова.

Потом в разговорную очередь
Спросила меня
Сквозь жуть:
А вы, вероятно, к дочери?
Присядьте...
Сейчас доложу...
Теперь я отчетливо помню
Тех дней роковое кольцо.
Но было совсем не легко мне
Увидеть ее лицо.
Я понял
Случилось горе,
И молча хотел помочь.
Убили... Убили Борю...
Оставьте!
Уйдите прочь!
Вы жалкий и низкий трусишка.
Он умер...
А вы вот здесь...
Нет, это уж было слишком.
Не всякий рожден перенести.
Как язвы, стыдась оплеухи,
Я Прону ответил так:
Сегодня они не в духе...
Поедем-ка, Прон, в кабак...

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдалыщик-кулик.
Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочъ,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровей.
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.

